

МЕЛИТОН

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Были светлые майские сумерки, я ехал верхом по нашему Заказу. Лошадь шла узкой дорогой среди свежей поросли осин и орешника. Кругом все было молодо, зелено, соловьи нежно и отчетливо выщелкивали по сторонам, перекликались друг с другом. Уже давно село солнце, но лес не успел еще стихнуть: горлинки журчали где-то вблизи, кукушка куковала в отдаленье... В майские ночи сон слаб и недолг, до рассвета брезжит, заря зарю встречает.

Я выехал к поляне, где стояла караулка. В ложине за поляной лежал большой, полноводный пруд. Над прудом, над столетними березами и дубами, окружавшими его, слабо означался бледный и прозрачный круг месяца. А возле пруда на пне сидел Мелитон и кидал сухие прутья в жаркий и проворный костерчик, разведенный в земляной печурке под котелком, висевшим в ней. Как всегда, очень чисты были его заплатанные портки и рубаха, ладно подвязаны онучи. Он сидел, поставив на колени локти, положив лицо в ладони, смотрел на огонь, а сам напевал что-то тихим и тонким, совсем женским голосом.

- Ай карасиков наловил, Мелитон? - спросил я, соскакивая с лошади.

Он поднялся, вытянулся во весь рост, с той особой выправкой, что присуща была когда-то только николаевским служакам, и тотчас принял бесстрастное выражение, как бы стараясь скрыть постоянную печаль своих бледно-бирюзовых глаз. Росту он был высокого, телом худ и костляв. Серые густые брови и такие же усы, на щеках сходявшиеся со щетинистыми баками, придавали ему вид суровый, но лысина зги бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаха, свидетельствующая о готовности лечь "под святые" когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки в чугушке стали сипеть и бурлить, он потыкал в них щепочкой и снял чугуничек с огня. Огонь стал потухать, только красная грудка жара светилась в землянке. Возле нее пахло сгоревшей дубовой листвою, а когда старик стал чистить картошки, запахло так вкусно, что я попросил и себе парочку. И мы молча стали ужинать возле неподвижного стемневшего пруда, в тишине и сумраке все еще не гаснувшей весенней зари. Закат за деревьями вправо алел нежно и тонко, и казалось, что там уже рассветает.

- Мелитон, - спросил я с юношеской простодушностью, - правда, тебя сквозь строй прогоняли?

- Правда-с, - ответил он просто и кратко.

- А за что?

- А, конечно, за глупость, за провинности...

Он ушел в избу, а я долго сидел один, глядя на тлеющие угли. Появился он из сумрака неслышно и принес с собой еще один ломоть ржаного хлеба, ножик, сделанный из старой косы, и горсть крупной соли. Ласково и нервно виляя хвостом, прибежал за ним Крутик, маленький, веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою веселость. Он тоже сел возле печки, с удовольствием зевнул, облизнулся и стал следить глазами за каждым движением Мелитона, круто солившего хлеб. Соловьи по-прежнему пели страстно и звонко, нежно и удало.

- Ведь ты совсем одинокий? - спросил я.

- Совсем-с. Была жена, да уж так давно, что и не вспомнишь.

- А дети?

- Были и дети-с, да их тоже бог прибрал в свое время...

И он опять замолчал, со старческой неспешностью пережевывая хлеб. Я вглядывался в движения его морщинистых щек, в его опущенные веки, стараясь проникнуть в тайну его печальной молчаливости. Он кротко и беспомощно взглянул на меня, - я отвернулся. Было мне тогда двадцать лет, все умиляло меня: лес, небо, караулка, пучки каких-то трав и венчиков в ее сенцах под крышей, между сухой листвою решетника... На ногах Мелитона лыковые лапти, думал я, на теле замашная рубаха... Как это чудесно - жить такой чистой, простой, бедной жизнью! И эти венчики - для кого он собирает, вяжет их? Венчики еще более тронули меня, и я сказал, подымаясь:

- Совсем у тебя скит, Мелитон!

Он ласково и грустно улыбнулся.

- В скиту часовенки бывают-с, - сказал он, бросая корку Крутику, и залил водой из чугушка угли.